

Как ИИ заменил юриста, или Штраф за неуважение к суду

1. Дело Дорофеева

Уже некоторое время юридическое сообщество с интересом обсуждает дело Павла Дорофеева (Определение СКЭС от 3 сентября 2026 года № 301-ЭС21-23756(4)), поскольку вопросы, затронутые в данном деле, равно как и подходы, предложенные высшей судебной инстанцией, позволяют по-новому взглянуть на ставшие уже привычными банкротные механизмы.

Хотя выводы судебной коллегии относительно возможности завершения процедуры при наличии нерассмотренных споров, относительно оценки действий кредитора с позиции добросовестности, а также о необходимости соблюдения разумного срока судопроизводства и исключительной роли суда в этом вопросе, несомненно, имеют определяющее значение для дальнейшего формирования судебной практики, в настоящей статье хотелось бы коснуться совершенно иного аспекта этого знакового определения.

Предлагаю обратить внимание на последний, двенадцатый пункт определения. В нем очень кратко, буквально в четырех абзацах, судебная коллегия отмечает ту проблему, о которой сегодня пойдет речь – использование технологий искусственного интеллекта при подготовке процессуальных документов.

Кажется, что данная проблема уже совсем не нова. Действительно, кто в наше время еще не слышал об «ИИ-галлюцинациях», в результате которых в процессуальные документы, подготовленные с использованием технологий искусственного интеллекта, попадают выдуманные ссылки на нормы права и позиции вышестоящих судов?

Вот и в деле Дорофеева представитель кредитора, чье имя коллегия любезно оставила открытым для обозрения сообщества и прочих заинтересованных лиц, решил воспользоваться современными технологиями для «усиления» своей правовой позиции. Следует признать, что предложенная ИИ ссылка на один из пунктов постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, выглядела более чем убедительно в свете декларируемого усиления значения разъяснений высшей судебной инстанции (с 4 сентября 2026 года в России действует Федеральный конституционный закон от 04.08.2026 №3-ФКЗ, который закрепляет обязательный характер разъяснений Пленума Верховного Суда для всех судов общей юрисдикции и арбитражей).

К сожалению, нам неизвестно какой именно тезис представитель кредитора хотел подтвердить ссылкой на пункт 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан» – этого в комментируемом определении не отражено. Зато отражен тот факт, что в указанном постановлении Пленума содержится только 14 пунктов.

Судебная коллегия указала, что приведенная в отзыве правовая позиция не существует и заявлена целенаправленно для обоснования своего мнения со ссылкой на разъяснение Верховного Суда Российской Федерации, которое им никогда не принималось. Отмечено, что подобные действия со стороны представителя кредитора свидетельствуют о неуважительном отношении к закону и суду (пункт 5 статьи 2 АПК РФ) и об умышленной попытке введения судебной коллегии в заблуждение.

В этой связи судебная коллегия указала на необходимость инициирования рассмотрения вопроса о наложении судебного штрафа на представителя кредитора.

Напомню, что ранее широкую известность получило постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 14 мая 2026 года по делу № А27-7831/2025, в котором за аналогичные нарушения (ссылку на несуществующую судебную практику) по мотиву неуважения к суду судебный штраф был наложен на сторону по делу – юридическое лицо.

Представляется, что подход, занятый судебной коллегией по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации в части определения лица, на которое подлежит наложению судебный штраф, выглядит более обоснованным.

Кроме того, хотелось бы отметить, что публикация определения по делу Дорофеева совпала с публикацией приказа Верховного Суда Российской Федерации от 03 сентября 2026 года № 59-П «Об утверждении Концепции внедрения технологий искусственного интеллекта в судопроизводство Российской Федерации».

В рамках данной концепции признается как необходимость внедрения технологий искусственного интеллекта в судопроизводство, что, по мнению авторов, обеспечит колоссальное повышение потенциала судебной системы и эффективности работы судов, так и сопутствующие риски, к числу которых отнесена и «галлюцинация модели» – несуществующие нормы, акты, цитаты. Вероятность возникновения такого риска оценивается авторами концепции как «высокая», а влияние его на судопроизводство – как «очень высокое». В качестве одной из мер для минимизации указанного риска предлагается обязательная верификация результата судьей.

Можно прийти к выводу, что высшая судебная инстанция определенно считает возможным использование при подготовке правовой позиции программного обеспечения на основе технологий искусственного интеллекта, однако такое применение технологий осуществляется представителем (или судьей) на свой риск и должно сопровождаться тотальной проверкой результатов.

2. Т. Уитерс против города Абердин

Необходимо, однако, признать, что общая тенденция усиления ответственности юристов за ошибки, допущенные при применении технологий на основе искусственного интеллекта (ИИ), вполне очевидна и широко известна. В рамках ее развития дело Дорофеева может представлять интерес разве что как показатель смещения вектора ответственности с участника дела на его представителя, непосредственно допустившего ошибку в суде.

В свете этого малоинтересным было бы простое повторение тезисов, высказанных судебной коллегией; тем более, что детального разбора, например, позиции юриста по поводу допущенного нарушения, причин и условий, способствовавших появлению в тексте процессуального документа ссылок на несуществующие позиции судов, а также оценки этих факторов судом, не приведено.

В действительности дело Дорофеева послужило, скорее, отправной точкой для небольшого исследования тех проблем, с которыми сталкиваются наши коллеги из иных юрисдикций при схожих нарушениях. Дело в том, что технологии на основе искусственного интеллекта развиваются стремительно; то, что еще год назад казалось чем-то экзотическим и малоприменимым в реальной жизни, сегодня превращается в реалии, с которыми приходится считаться все более широкому кругу профессионального сообщества.

Автором статьи предпринята попытка анализа практики зарубежных судов по вопросу оценки действий юристов, допустивших в подготовке процессуальных документов с применением технологий искусственного интеллекта ошибки, приведшие к возникновению в итоговых текстах «ИИ-галлюцинаций». Причем важным фактором являлось как необходимость подробного разбора данной проблемы судом, так и отсутствие данного акта в широком распространении, его новизна (на субъективный взгляд автора).

В качестве примера подхода, занятого иностранным судом по нашему вопросу, хотелось бы привести дело по иску Тома Уитерса против администрации города Абердин, рассмотренное в июне 2026 года Окружным судом США по Северному округу штата Миссисипи, отделение в городе Абердин.

Это дело, на взгляд автора статьи, интересно во многих отношениях. Прежде всего, прецедент можно считать актуальным, так как судебный акт вынесен в июне 2026 года. Кроме того, единственным вопросом, который разбирает суд в своем обширном (23 страницы) акте, является проблема наличия в процессуальных документах сторон ссылок на несуществующие прецеденты, обусловленная использованием ИИ. И, наконец, поражает масштаб проблемы, поскольку все четыре участвующих в деле адвоката (по два у каждой из сторон) представили в суд процессуальные документы, содержащие ссылки на несуществующие прецеденты, но обо всем по порядку.

Краткое изложение обстоятельств

При рассмотрении указанного дела суд пришел к выводу, что процессуальные документы сторон содержат вымышленные («галлюцинированные») цитаты из судебной практики, в связи с чем инициировал вопрос о наложении на них санкций, предоставив возможность дать объяснения по данным фактам.

Господина Уитерса представляли Кэтлин М. Уилсон, которая была допущена к процессу временно (*pro hac vice*) (разрешение суда, позволяющее адвокату из другого штата (или юрисдикции) временно участвовать в конкретном судебном деле, хотя у него нет там постоянной лицензии. При этом необходимо участие в деле еще и местного адвоката. — Прим. авт.), и Шонси Хантер Риджвей, адвокат с лицензией штата Миссисипи, выступающая в качестве местного представителя; администрацию города Абердин представляли Кэтрин И. Уильямс, которая была допущена к процессу временно (*pro hac vice*), и Марк К. МакКлинтон, выступающий в качестве местного представителя и являющийся постоянно практикующим адвокатом.

При изучении материалов дела судом было обнаружено, что в процессуальных документах как истца, так и ответчика имеются ссылки на несуществующие прецеденты, причем документы подписаны всеми участвующими в деле адвокатами сторон.

После того как суд 10 декабря 2025 года вынес определение о необходимости дачи объяснения по данному факту и обязал представить бумажные или электронные копии дел, на которые они ссылались, адвокаты признали, что фейковые цитаты появились из-за непроверенного использования искусственного интеллекта.

В ходе слушаний 20 января 2026 года каждый из адвокатов был крайне смущен и принес извинения перед судом. При этом адвокаты разъяснили свои роли в подготовке документов, содержащих вымышленные («галлюцинированные») цитаты. Иногородние адвокаты Уилсон и Уильямс взяли на себя единоличную ответственность за составление текстов, причем Уильямс призналась, что использовала ИИ-инструмент для проведения правовых исследований, а Уилсон — что использовала ИИ для непосредственного составления черновика документа. Ни одна из них не проверила подлинность прецедентов, выданных ИИ, перед отправкой документов в суд.

В свою очередь, Риджвей и МакКлинтон, выступавшие местными представителями сторон, признались, что не проверяли документы, поданные от имени их клиентов, несмотря на то, что на них стояли их электронные подписи. Они пояснили, что не знали об использовании ИИ их коллегами. Все юристы узнали о наличии несуществующих прецедентов только после извещения их об этом судом.

Разрешая вопрос о «применимых стандартах», окружной суд отметил следующее. Во-первых, представляя суду процессуальный документ, адвокат или сторона подтверждает, что насколько ему известно, исходя из имеющейся у него информации и убеждений, сформированных после проведения разумного в данных обстоятельствах расследования... требования, возражения и иные правовые доводы обоснованы действующим законодательством. В силу этого адвокат обязан проводить разумное исследование фактов и правовых аспектов дела на тот момент, когда он или она ставит свою подпись на любых документах, подаваемых в суд, причем поведение адвоката оценивается... исходя из объективного, а не субъективного стандарта разумности, который определяется на момент подписания документа. Во-вторых, окружные суды обладают неотъемлемым правом налагать санкции за ненадлежащее использование ИИ, поскольку это представляет собой злоупотребление судебным процессом.

Анализ дела и позиций сторон судом.

Переходя к анализу дела, суд в первую очередь отметил, что как признавалось ранее, ИИ — это мощный инструмент, который при разумном использовании приносит огромную пользу. В то же время, **хотя «технологии на базе ИИ способны создавать слова», они не могут «наделить написанное ими... искренностью, истиной или ответственностью. Это остается священным долгом юриста, подписывающего документ».**

Окружной суд отметил необычный характер данного дела, где адвокаты обеих сторон спора допустили схожие нарушения. При этом поскольку Уилсон и Уильямс являлись авторами рассматриваемых документов, суд посчитал, что они несут более высокую степень ответственности за противоправные действия в данном деле. Сам факт того, что они полагались на результаты работы ИИ без их проверки, является достаточным основанием для признания их действий недобросовестными. Подобное наказуемое поведение неизбежно ставит под вопрос способность Уилсон и Уильямс продолжать практику в данном суде, поскольку право на участие в процессе (*pro hac vice*) является привилегией и подлежит отзыву по усмотрению суда.

Важное замечание – суд указал, что в настоящее время единая концепция определения надлежащих санкций в делах, связанных с непроверенным использованием ИИ, в округе не принята. В прошлом суд учитывал искренность нарушившего правила адвоката, признание им ответственности и принятые меры по исправлению ситуации, а также ряд иных факторов.

Далее суд переходит к анализу действий и позиций каждого из адвокатов. По мнению автора статьи, данный раздел представляет собой наибольший интерес, поскольку содержит в себе подробный разбор нарушения каждого представителя, внутреннее отношение их к допущенному нарушению, доводы, приведенные в защиту, а также окончательное мнение суда относительно описанных фактов.

Постараемся кратко остановиться на каждом из адвокатов, отметив лишь наиболее существенные аспекты их позиций и выводы суда.

1. Кэтлин М. Уилсон

На слушаниях Уилсон указала, что является практикующим адвокатом с лицензией штата Луизиана, в ее фирме нет внутренних правил, регулирующих использование ИИ. Уилсон взяла на себя ответственность за допущенные нарушения, указала какой именно софт был ею использован при составлении документов. Также Уилсон сообщила суду, что пользуется им порядка шести месяцев. В качестве аргумента защиты Уилсон заявила, что не знала о том, что ИИ может генерировать несуществующие прецеденты, и даже не слышала об «ИИ-галлюцинациях».

Суд признал данный аргумент недостаточным и не заслуживающим доверия, отметив, что по всей стране произошло достаточное количество случаев ненадлежащего использования ИИ адвокатами, из-за чего риски, связанные с этим, стали общеизвестными. Отдельно суд упомянул, что **если когда-либо и можно было оправдать неведение относительно рисков использования ИИ для составления процессуального документа без проверки его результатов, то теперь это уже точно невозможно.**

По этим причинам суд не поверил утверждению Уилсон о неосведомленности о рисках, связанных с использованием ИИ в юридическом контексте. Суд посчитал, что она знала или должна была разумно знать об этих рисках, и что она действовала недобросовестно, не проверив процессуальный документ, сгенерированный ИИ.

Отдельно стоит отметить, что суд обнаружил факты аналогичных нарушений Уилсон в иных делах, совершенных уже после проведения слушаний.

С учетом этого суд пришел к выводу, что действия Уилсон демонстрируют крайнее пренебрежение к профессиональным обязанностям. И хотя суд не может учитывать ее поведение, имевшее место в иных делах, он, как минимум, пришел к выводу, что **извинения Уилсон перед данным судом в ходе слушаний не были искренними, так как она не исправила своего поведения несмотря на данные заверения.**

2. Шонси Хантер Риджвей

Риджвей – адвокат с лицензией штата Миссисипи, работает в юридической фирме. Выступает поручителем при допуске (*pro hac vice*) Уилсон в данном деле и является местным представителем истца. Риджвей является лицом, подписавшим процессуальный документ, содержащий ссылки на вымышленные прецеденты, хотя и не является автором этого документа.

Риджвей указала суду, что не знала об использовании ИИ Уилсон, но не пытается оправдать себя этим фактом и безоговорочно принимает на себя ответственность за свою роль в нарушении. Также она пояснила, что сама не пользуется ИИ, но в ее юридической

фирме приняты внутренние правила, регулирующие использование ИИ.

Суд отметил, что адвокаты, имеющие постоянную регистрацию в штате, несут ответственность за руководство и надзор за адвокатами из других штатов, чтобы обеспечить соблюдение ими процессуальных и этических норм. Именно они, по сути, являются посредниками, обеспечивающими адвокатам из других штатов доступ к судебной системе Миссисипи. Суд не относится к нарушению этой обязанности легкомысленно.

С учетом конкретных обстоятельств дела суд не нашел в действиях Риджвей признаков недобросовестности, посчитав, что ее упущения были проявлением халатности и неосторожности, но не были преднамеренными.

3. Кэтрин И. Уильямс

Уильямс – партнер в техасской юридической фирме, имеет лицензию штата Техас. Уильямс признала, что полагалась на инструменты исследований на базе искусственного интеллекта без независимой проверки, что привело к появлению ссылок на несуществующую практику в процессуальных документах, подписанных Уильямс и МакКлинтон. При этом Уильямс взяла на себя единоличную ответственность как автор документов и указала, что МакКлинтон «не принимал участия в этом процессе и разумно полагался на заявления ведущего адвоката».

На слушаниях Уильямс пояснила, что ее фирма не использует открытые системы ИИ, но приобрела программное обеспечение, разработанное специально для правовых исследований. Указанный инструмент использовался всего девятью днями до вынесения судом приказа о предоставлении объяснений по данному делу. Уильямс пояснила, разработчик этого программного обеспечения находится в Хьюстоне, штат Техас, и был представлен ее фирме на курсе повышения квалификации юристов.

Примечательно, что, по словам Уильямс, программное обеспечение было создано для правовых исследований в юрисдикциях, в которых ее юридическая фирма обычно ведет практику, и Миссисипи в этот список не входила. Согласно показаниям Уильямс, она обыкновенно практикует в Техасе, Луизиане и Флориде. Она пояснила, что это единственное дело в Миссисипи, в котором она когда-либо участвовала, и тем не менее прибегла к использованию софта, по всей видимости, зная, что он не предназначен для анализа законодательства данного штата.

После этих объяснений, когда суд выразил обеспокоенность тем, что Уильямс полагалась на результаты работы программы, не предназначенной для учета дел штата Миссисипи, Уильямс высказала противоречивое утверждение, заявив, что инструмент должен был предоставлять региональные результаты и что Миссисипи определенно входит в регион присутствия ее фирмы. По мнению суда, Уильямс попыталась отвлечь внимание от того факта, что она проигнорировала назначение программного обеспечения, о котором ей было известно заранее, как только суд выразил свою обеспокоенность.

Суд посчитал, что Уильямс знала о том, что программное обеспечение не предназначено для поиска судебной практики Миссисипи, и что она действовала недобросовестно, все равно используя его. Уильямс признала, что ее фирма внедрила политику использования ИИ в 2025 году уже после того, как указанное программное обеспечение было интегрировано в деятельность фирмы. Эти правила, которые Уильямс охарактеризовала как часть стандартных внутренних регламентов фирмы, прямо требовали от адвокатов самостоятельно проверять результаты работы программ.

Суд посчитал особенно вопиющим тот факт, что Уильямс, являясь партнером и, предположительно, руководителем в своей юридической фирме, проигнорировала политику использования ИИ, слепо полагаясь на инструмент поиска на базе ИИ. Кроме того, Уильямс указала, что большинство курсов повышения квалификации, которые она посетила в 2025 году, включали темы, связанные с ИИ.

Суд пришел к выводу, что она прекрасно осознавала опасности и риски, связанные с непроверенными данными, полученными от ИИ. Тем не менее Уильямс намеренно пренебрегла мерами предосторожности, принятыми в её фирме. Суд посчитал, что, поступая таким образом, она действовала недобросовестно.

В качестве аргумента в свою защиту Уильямс указала, что поскольку правовая позиция в ее документах была верной, ссылка на несуществующие прецеденты не образует состава нарушения.

Суд отметил несостоятельность данного довода, указав на сформированную в ином деле позицию, где суд также отказался принять во внимание тот факт, что реальные прецеденты якобы подтверждают те же тезисы, для защиты которых были предоставлены ссылки на несуществующую судебную практику. Отмечено, что **подобное совпадение является не более чем чистой случайностью для юристов и никак не компенсирует тот ущерб и пустую трату времени, которые повлекло за собой их неправомерное поведение.** Более того, любое смягчение санкций на этом основании лишь усиливало бы соблазн бездумного использования ИИ для юристов, которые уверены в правильности своих правовых позиций.

Окружной суд отказался ставить в заслугу Уильямс ее «чистую удачу», указав, что ее замечание не имеет отношения к рассматриваемому вопросу.

Как и в случае с Уилсон, суд посчитал, что Уильямс как автор процессуальных документов несет более высокую степень ответственности. И хотя она открыто сообщила о причинах своих ошибок, признала часть ответственности за свои действия и предприняла меры по исправлению ситуации, обратившись в суд с ходатайством о внесении поправок в документы, с другой стороны, нарушения были допущены в двух разных документах, что свидетельствует о систематическом характере действий. Очевидно, что Уильямс пыталась минимизировать тяжесть нарушения, подчеркивая, что в ее документах содержалась по

существу верная правовая позиция, несмотря на признание того, что она ссылалась на вымышленные дела.

Суд посчитал, что эти факторы в сочетании с ее недобросовестным поведением при нарушении внутренней политики фирмы в области использования ИИ, что вскрылось на слушаниях, попросту перевешивают любые ее попытки смягчить вину.

В качестве заключительного замечания в отношении Уильямс суд указал на представленную ей ложную информацию относительно наложения графиков судебных заседаний, что было использовано ей как основание для переноса слушания дела. По мнению суда, это определенно отражает ее безразличие к серьезности лежащего в основе данного дела проступка, вопреки ее собственным утверждениям об обратном.

4. Марк К. МакКлинтон

Марк МакКлинтон – местный адвокат с лицензией штата Миссисипи, выступает поручителем при допуске (*pro hac vice*) Уильямс в данном деле и является лицом, подписавшим процессуальный документ, содержащий ссылки на вымышленные прецеденты, хотя и не является автором этого документа.

На слушаниях МакКлинтон пояснил, что не знал о самом факте подачи конкретных ходатайств, но признал, что ранее дал Уильямс общее разрешение проставлять его подпись на документах без их предварительного прочтения им. Несмотря на то, что документы не были предоставлены ему на рецензию до отправки, МакКлинтон не пытался использовать это как оправдание. Он пояснил, что для Уильямс было логично поступить так, исходя из их устоявшейся совместной практики. Иными словами, он дал ей на это подразумеваемое согласие.

Также МакКлинтон пояснил, что в его юридической фирме практикуют всего два адвоката, он не использует ИИ в своей работе и, следовательно, не имеет установленной политики использования ИИ. Подобно Риджвей, МакКлинтон не знал, что Уильямс использовала инструмент на базе ИИ для проведения правового исследования по делу. МакКлинтон также признал, что ему следовало изучить поданные документы, когда он получил автоматическое уведомление об электронной подаче, и выразил сожаление по поводу того, что не сделал этого.

По тем же причинам, что были изложены в отношении Риджвей, суд посчитал, что МакКлинтон нарушил обязанности местного адвоката. Поскольку он не был автором документов и не использовал ИИ в данном деле, суд не нашел оснований для признания его действий недобросовестными. Так же, как и в случае с Риджвей, суд квалифицировал его действия как небрежные и неосторожные. При этом МакКлинтон сообщил суду, что самостоятельно подал отчет об этом факте в Коллегию адвокатов Миссисипи. Суд принял во внимание его искренность и шаги, предпринятые им для привлечения самого себя к ответственности.

Заключение, санкции.

Подводя итог, суд отметил, что в эпоху повсеместного использования ИИ в юридической сфере данное дело служит наглядным примером риска, связанного с ролью «номинального» представителя при исполнении обязанностей местного адвоката. После этого суд перешел к определению санкций за допущенные нарушения, причем они были не в пример серьезнее тех, с которыми довелось пока столкнуться российским юристам.

Временные допуски (*pro hac vice*) Кэтлин М. Уилсон и Кэтрин И. Уильямс в данном деле были аннулированы, они были лишены права выступать в любых делах перед Окружным судом США по Северному округу штата Миссисипи сроком на два года, а также им предписано выплатить штраф в размере 2 500 и 3 500 долларов соответственно. Кроме того, суд обязал Кэтлин М. Уилсон в течение шестидесяти дней посетить и завершить курсы повышения квалификации по теме искусственного интеллекта, регулирующие обязанности юристов при использовании ИИ, поскольку она была единственной, не проходившей соответствующего обучения.

Местные адвокаты Шонси Хантер Риджвей и Марк К. МакКлинтон также были дисквалифицированы в рамках данного дела, кроме того им предписано выплатить штраф в размере 1 000 долларов.

Суд также направил материалы в отношении всех адвокатов в профильные дисциплинарные органы для проведения разбирательств.

Поскольку по итогам такого решения стороны лишились своих представителей, судом был предоставлен разумный срок для поиска новых.

3. В качестве заключения

Невозможно не согласиться с тезисом Окружного суда о том, что если когда-либо еще можно было оправдаться неведением относительно рисков использования ИИ в работе юриста, то точно не сегодня. В свете этого примечательно внимание, которое уделил суд тем обстоятельствам, которые сопутствовали допущенным нарушениям, как то: какой именно софт был использован юристом, как давно он используется, имеются ли в организации внутренние правила, регулирующие использование в работе инструментов на базе ИИ, имеются ли у юриста сведения о прохождении курсов повышения квалификации по теме ИИ.

Верно ли то, что в скором времени и в наших судах подобные вопросы будут подлежать исследованию при определении размера судебного штрафа за аналогичные нарушения? Если так, то юристам, беспечно полагающимся на выводы ИИ, придется озаботиться поиском новых доводов защиты, поскольку, например, ссылка на по сути верную правовую позицию, подкрепленную несуществующей практикой, вряд ли сработает.

В любом случае необходимо иметь в виду данный тренд и не допускать в своей работе подобных оплошностей; которые суды, как показывает практика, склонны квалифицировать гораздо более жестко.

Глущенко Николай Петрович,
руководитель сводной юридической службы СРО ААУ «Синергия»

ИНН 2308980067
Москва, Бизнес-центр "Гостиный Двор",
ул. Ильинка, д. 4, оф. 310
Юр. (почт.) адрес: 350063, Краснодар
ул. Комсомольская, д. 45, оф. 11

8 800 777 77 84
SROSYNERGY@MAIL.RU
сросинергия.рф

